

Бобринский Н.А. Горы Средней Азии. // Животный мир и природа СССР.-
Москва: Наука, 1967. С. 296-321.

ГОРЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ

По горам поднимаешься в самое высокое, говорят, место. На том высоком месте между двух гор находится равнина, по которой течет славная речка. Лучшие в свете пастбища тут; самая худая скотина разжиреет здесь в десять дней. Диких зверей тут много множество. Много тут больших диких баранов, рога у них в шесть ладоней и поменьше. Двенадцать дней едешь по той равнине, называется она Памиром...

Марко Поло

Для того чтобы дать читателю общее представление о Тянь-Шане, мы воспользуемся описанием первого исследователя его природы — Н. А. Северцова, который проехал из Омска в Ташкент, обогнув с северо-запада всю северную половину этой страны. Проехал он на лошадях тем путем, которым ныне мчатся поезда Туркестанско-Сибирской железной дороги.

«Немало пустынных степей по дороге из Омска в Верное¹, но и мои глаза, уже давно приглядевшиеся к пустыням, были поражены бесплодием и мертвенностью степи между низким хребтом Арғанаты и рекой Лепсой, где я проезжал 26 мая 1864 г. Что дальше, то голее; была весна, везде виднелись редко рассеянные молодые травки, но они, кроме широких сочных листьев ревеня, точно, пробивались уже увядшими из тощей солонцевой глины. Этой пустыней я ехал до темной ночи, заснул и проснулся у Лепсы. Увидел я ту же пустыню, доходившую до самого берега, но тем роскошнее казалась яркая зелень Лепсинской долины, живописно усеянной небольшими группами осокорей, тем прекраснее была светлая и быстрая река. А вдали, на горизонте, тянулась туманная, воздушная, нежно-синеватая полоса, и между ней и сверкающей синевой среднеазиатского неба с поразительной ясностью выделялись легкие, изящные очертания снеговых вершин Семиреченского Алатау с золотистым отблеском восходящего солнца.

Многие месяцы потом я двигался к юго-западу и все видел влево снеговой хребет один за другим. Понизился на реке или Семиреченский Алатау, но перед глазами вырос Заилийский со своим гордым Талгаром посредине, с понижающимися от него на обе стороны снеговыми же вершинами. А после перевала через западное подножие этого хребта еще третий: ровная громадная стена Александровского хребта² со своими снежными зубцами. Понизился и этот, кончаясь небольшими холмами у Аулиэ-Ата³, но сзади его тут встает еще ряд снеговых пиков, и кажутся громаднее всех уже виденных, хотя в сущности высочайший из них, Аксай, не выше Талгара.

¹ Ныне город Алма-Ата.

² Сейчас Киргизский хребет,

³ Город Джамбул,

Кончился и этот хребет низкими каменистыми холмами у Арыса, но еще не кончен Тянь-Шань. Сзади, южнее, опять стена со снеговыми зубцами, но ее глаз уже

окидывает, виден ее степной конец, Казыкурт, которого уединенный, уже бесснежный пик, голый утес красноватого порфира, низким гребнем связывается с главным хребтом, тут спускающимся крутым уступом.

Пошли мы, наконец, к Ташкенту и сзади Казыкурта увидели еще хребет — Каржантау; его степной конец левее Ташкента, но впереди встает Зачирчикский хребет (Галасский Алатау). И того степной конец виден, но еще не кончен Тянь-Шань. Далеко на горизонте, за Сыр-Дарьей, южнее Ходжента, чуть виден еще ряд снеговых вершин.

Так, гряда за грядой, все растут перед глазами хребты из степи: понижается один, за ним встает другой, и все это только окраины необъятного Тянь-Шаньского нагорья. А там, внутри, громоздятся хребты над хребтами, все выше, снежнее и скалистее, а в долинах на целые версты тянутся снежные обвалы, образуя мосты над бешеными горными потоками.

Так у вершин Чирчика; а восточнее, переваливши то один, то несколько хребтов, встречаешь высокую степь; за ней еще хребет и опять степь, но уж выше. Не осокорь растет в её глубоко врезанных речных оврагах, а горная ель; а потом опять подъем к снеговому вершинам, и вровень с ними опять высочайшая степь, и на ней еще громоздятся внутренние высочайшие хребты Тянь-Шаня, один за другим, и много их на центральном Тянь-шаньском нагорье, и все они сходятся к главной горе, крутой и наполняющей ледниками свои бесчисленные ущелья. На сто верст тянется ее вершина — широкое снеговое поле, никем еще не достигнутое, усеянное крутыми остроконечными пиками — и эта колоссальная многозубчатая вершина, поднятая над всеми снеговыми хребтами, есть лишь подошва Хан-Тенгри, небесного Хана, возвышающегося до 24 000 футов¹. И не только недоступен этот великий Хан Тянь-Шаня, но и ниоткуда не виден снизу; до вечных снегов надо подняться, чтобы увидеть его, и то не всегда увидишь; облака лепятся по ледниковым ущельям далеко ниже его подошвы; не видно тогда и застилающих эту подошву, окружающих ее со всех сторон низких пиков, но превышающих 20 000 футов. Недоступность Хан-Тенгри придает Тянь-Шаню вполне азиатский характер: точно окаменелый, вечный первообраз великих ханств, слагавшихся и разлагавшихся у его подошвы».

¹ Точнее на 22 950 футов, т. е. на 6995 м. На вершину Хан-Тенгри советские альпинисты восходили в 1931 г. в дважды в 1936 г. В 1943 г. и той же системе открыта еще более высокая вершина — лик Победы. Она имеет высоту в 7439 ы,

То, на что тратились месяцы караванного пути, проезжаешь теперь в несколько дней железной дорогой, автомобилем, за несколько часов самолетом. Выехав утром из Фрунзе на автомобиле, уже к вечеру попадаешь в Рыбачье — поселок на западном конце Иссык-Куля. Многие десятки километров поднимается машина по узкому Буамскому ущелью, прорытому рекой Чу, которая, шумя перекатываемыми камнями и пенясь, стремительно несется по дну его. Склоны ущелья лишены летом всякой растительности, но цветисты: красноватые, желтые, голубоватые в зависимости от слагающей их породы. Бедна здесь животная жизнь. Скалистые поползни, одиночные чаканы и пестрые каменные дрозды — вот немногие птицы, попадающиеся на глаза. Лишь взглянув на небо, неизменно увидишь высоко парящих грифов.

Но расступаются, наконец, склоны ущелья, машина въезжает на широкую ровную площадку, покрытую щебнем и редкой полынью, а впереди открыто лежит, сверкая вечными снегами, Терскей-Алатау. Даже человеку, привыкшему определять расстояние в горах, этот снег кажется рядом, а между тем он отделен и водами Иссык-Куля, и широкой полосой каменистой пустыни по ту сторону озера, и предгорьями самого

Терскея. Но что стало с рекой: теперь она спокойно течет, описывая извилистые петли, окаймленная кустарниковыми зарослями и ярко-зеленой травой, столь не гармонирующей с соседней щебнистой пустыней. В густых зарослях колючей кислицы держатся фазаны, охотно клюющие небольшие янтарно-желтые ягоды, густо облепляющие ее ветки, а над камышом совершают свои вечерние перелеты утки. В пустынных нагорных степях к западу от Иссык-Куля до сих пор еще встречаются джейраны.

Иссык-Куль, что буквально значит теплое, а в переносном смысле незамерзающее озеро, лежит на высоте более 1500 м над уровнем моря. Более суток идет паром от одного конца его к другому. Опрятные, белые чайки летают над синей гладью. По временам срывается с нее темный баклан и, быстро махая короткими крыльями, грузно летит над самой водой. А справа и слева, не прерываясь, тянутся снежные горы - днем ослепительно сверкая на солнце, ночью, при луне, фарфорово-белые. И не верится, что между ними и берегом озера раскинулись и хлебные поля, перемежающиеся большими селениями, утопающими в зелени садов, и значительные участки пустынной степи с ее неизменными жаворонками и трепыхающимися в воздухе пустельгами. Глядя на горы, готов спорить, что они придвинуты к самому берегу и покрыты сплошными снегами почти до подошвы, тянущейся лишь узкой серовато-зеленоватой полосой под широкой грядой округлых белых вершин и острых белых зубцов. Зато, когда едешь степью, в 10-15 км от южного берега Иссык-Куля, не видно ни озера, ни снежных вершин Терскея, скрытых его предгорьями, забываешь, что находишься в центре Тянь-Шаня на высоте около 2000 м. Кажется, что едешь широкой равниной по краю холмистой гряды, параллельно которой вдали темнеет высокий хребет Кунгея, покрытый снегом лишь по самому гребню. Слишком уж велики масштабы! Всего сразу не охватишь глазом - то один, то другой пояс гор выступает на первый план и довлечет над остальными.

Равнина, которой вы едете, довольно однообразна. Обширные хлебные поля с бьющими перепелами и взлетающими выводками серых куропаток перемежаются невозделанными засушливыми участками. В местах, где прорезавшая холмы речка растекается по каменистому ложу, располагаются селения с полями мака. Высокого свежего мака, цветы которого - белые, розовые, пунцовые, почти черные - в добрую мужскую ладонь. Этот мак, дающий опий, - богатство Иссык-Кульской долины, собственно говоря, единственное, что придает местный оттенок широкой спокойной равнине.

Но сверните по одной из речек в сторону гор. На протяжении 10-15 км ущелье постепенно суживается, его холмистые оголенные склоны становятся все выше, река, сжимаемая берегами - бурливее. Крутой поворот, и все сразу меняется - вы в узкой теснине, высокие каменные бока ее обросли темными елями, а по дну, прыгая и грохоча, бешено мчится поток. Вы в горах с их легким воздухом, свежей растительностью, богатым животным миром. Оляпка выскочила из пенящегося круговорота на большой весь мокрый от брызг камень в середине потока, перелетела низко над водой на другой камень и снова юркнула в воду. Желтая снизу, сверху серая горная трясогузка бежит у самой воды, качая длинным хвостом. Стрижи с пронзительным визгом носятся над голым отвесом, с уступов которого поминутно слетают голуби. Внизу по камням лазают скалистые поползни, издавая свой резкий крик, гулко раздающийся в горах. По противоположному, сравнительно пологому склону зеленый травяной ковер разостлан высоко вверх до темного елового леса, спускающегося к нему навстречу. А в глубине ущелья открыто, вся как на ладони, стоит, сверкая вечными снегами, ослепительно белая громада.

В этих еловых лесах, столь характерных для Восточного Тянь-Шаня, держатся сибирские косули, самцы которых не то ревут, не то лают по вечерним зорям. Есть здесь ставшие уже редкими маралы, кедровки, трехпалые дятлы и клесты, т. е. типичные

таежные птицы. Есть и тетерева — это самый южный предел их распространения. Но нет ни белок, ни соболя, ни летяг, ни бурундуков, ни глухарей, ни целого ряда других таежников. Зато перепархивают стайки маленьких королевских вьюрков — золотистых, с черной грудью и головой и ярко-красным лбом; возятся в густой хвое елей гималайские рыжешее синицы, и перекликаются крошечные лазоревые славковидные корольки.

Еще выше, по зеленым альпийским лугам, лишь на несколько месяцев в году свободным от глубокого снега, рассеянными колониями живут серые алтайские и рыжие длиннохвостые сурки. В соседней широкой пустынной долине, до самого дна которой спускается ледник, а бегущая из-под него вода растекается по щебнистому ложу, можно встретить крупного высокогорного кулика-серпоклюва, обшаривающего гальку своим изогнутым носом.

Если же перевалить через снежный Терскей, то на высоте свыше 3500 м «мы встречаем безотрадную, голую, безжизненную и пустую холмистую равнину, широко раскинувшуюся между снежными горами, - пишет Д. Н. Кашкаров. - Здесь сразу чувствуется иной климат: то светит и жжет яркое солнце, то небо быстро заволакивается стремительно бегущими тучами, по горам начинают ползти туманы, скатываясь с вершин в ущелья и заволакивая хребты, и покрывая снегом увалы, то внезапно налетает шквал и в минуту засыпает землю крупой или снегом. Нередко среди лета такой шквал длится часами. Воздух становится зимним, морозным. Все время дует холодный, пронизывающий ветер. Почва равнины и холмов сырая, с поверхности большею частью голая, растрескавшаяся на отдельные. Из трещин между отдельностями едва выглядывают на свет низенькие растеньица, прячась в них от холода и вечно дующего ветра. Всюду вокруг лежат окатанные когда-то льдом, обдутые ветром камни-валуны, несомненно, ледникового происхождения, покрытые разноцветными лишаями, глубоко вросшие в землю. По голой почве раскиданы редкие цветы одиночных растений и большие, похожие на зеленые камни подковообразные подушки зиббальдии или характерные вензеля и кольца из осоки — «ведьмины кольца», или «волосы старухи». Местами почва густо усыпана бродячими лишайниками.

Вдали со всех сторон сияют снежные вершины, ползут вниз, чернея моренами, ледники. Один, другой, третий... Много. Местами между моренными холмами по сазовой почве бегут, сильно извиваясь, речки, и не всегда поймешь сразу, в каком направлении идет сток. Тут и там видны в понижениях большие и маленькие моренные озера, прозрачные и холодные, большей частью мелкие и часто усыхающие, с плоскими низкими берегами, с небольшими пространствами сазовой почвы, покрытой вокруг осокой.

Животных почти не видно. Редко прозвенит в разреженном воздухе голос рогатого жаворонка или с криком пробежит и снимется пара монгольских зуйков да раздастся вдалеке зычный голос ворона. Ни бабочек, ни пчел... Да и кормиться им нечем. Лишь комаров-долгоножек катит ветер по растрескавшейся почве, и ползут они, то кувыркаясь, как перекасти-поле, то цепляясь длинными ногами за подушки зиббальдии. Лишь в минуты затишья, когда выглянет солнце, слышно жужжание мух и пауки-охотники начинают бегать по быстро согревающейся почве. Над озерами с тревожным стоном поднимаются огари, изредка поднимутся вдалеке горные гуси».

К востоку от этой холодной высокогорной пустыни лежат высочайшие вершины Тянь-Шаня — Хан-Тенгри и пик Победы. Летом 1946 г. здесь работала советская альпинистская экспедиция. Участник экспедиции Д. М. Затуловский так описывает величественную картину, открывшуюся с высоты около 6000 м.

«Еще больше хребтов, уходящих вдаль, видно вокруг. Ближние вершины как будто опустились — все они ниже. На востоке, уже на китайской территории, вдали видна целая группа еще не известных горных пиков, покрытых снегом. Среди них, по-

видимому, есть и семитысячники. Еще дальше вдаль виднеются зеленеющие долины Синьцзяна. На северо-западе, за хребтами, темнеет котловина Иссык-Куля...

Достаточно подойти к краю площадки, и на юг открывается вид, незабываемый по своей грандиозности. Прямо перед глазами, видимый с основания до вершины, поднимается Хан-Тенгри. Его изящные контуры царят над пейзажем, центральной частью которого он является.

Трудно отделаться от мысли, что это гора, а не архитектурное сооружение... Каждая грань его своеобразна и по-своему прекрасна. Одна — это сплошной, снизу доверху, срез нежно-розового, как бы теплого мрамора, другая — ледяная стена с выходами темных мрачных скал. С правой стороны виднеется часть белоснежной юго-западной грани. У подножья пика течет, как река, ледник Резниченко (Северный Иньльчек).

За Хан-Тенгри виден пик Победы, Его почти ровный длинный гребень с выдающимся в восточной части плечом ничем не приковывает внимания. Теперь, когда восходителям известно, что он почти на полкилометра выше Хан-Тенгри, взгляд невольно обращается к нему. Однако Хан-Тенгри производит сразу настолько сильное впечатление, что вполне понятно, почему столько лет оставался незамеченным более высокий пик Победы».

Иной характер имеют леса и высокогорья Западного Тянь-Шаня. Его леса — преимущественно лиственные, из огромных грецких орехов и развесистых диких яблонь, над которыми лишь кое-где растет ель, редко образующая здесь настоящие леса. Фауна тоже отличается, но слабее, главным образом отсутствием почти всех таежников и присутствием ряда южных форм. И здесь нужно проехать широкой полосой предгорий, раньше, чем попасть в лес. Порой сотню с лишним километров постепенно поднимаешься пологой предгорной полосой, местами пустынной, местами орошенной и занятой посевами и большими селениями, утопающими в зелени урюковых садов, над которыми возвышаются тяжелые шапки карагачей и тонкие узкие тополя. Только с высоты более 1000 м начинают появляться по ущельям первые дикие орехи. Больше всего ореховых лесов в горах, окружающих Ферганскую долину с севера и востока. Красивый и величественный вид имеют широкие ущелья, занятые этими лесами, когда смотришь на них высоко сверху. Все, до самых предгорий, сереющих вдаль сквозь желтоватую дымку, сглажено сомкнутыми зелеными куполами, словно огромный бархатный ковер накинут на горы. В этих лесах держатся косули, кабаны, лисицы, медведи, барсуки, дикобразы, лесные сони, туркестанские крысы. Много птиц, особенно серых мухоловок, черных дроздов, седоголовых щеглов, горлиц, синиц-лазоревок, западных соловьев, длиннохвостых райских мухоловок.

Выше ореховых лесов расположена ступень яблоневых лесов, в которых, кроме яблонь, растут боярки в виде деревьев, клен, кусты черной смородины. За ними следует ступень хвойных деревьев, еще выше — скалы, альпийские луга и высокогорная степь, а на самом веру лежат вечные снега. Таким образом, имеется известная ступенчатость: пустыня, степь, ореховый лес, яблоневый, ели или арча, альпийские луга или высокогорная степь, вечные снега. Рельеф местности и экспозиция несколько путают картину, но принцип вертикальной поясности — ступенчатости, зависящей прежде всего от температур, — сохраняется.

В отличие от ореховых лесов с их густой тенью и значительной влажностью, яблоневые леса — леса светлые, заросшие буйной кустарниковой и травянистой растительностью. Располагаются они выше ореховых и имеют в общем сходное с ними, но несколько более бедное животное население.

Еще выше, по каменистым склонам, растет ель или, что чаще, древовидный можжевельник — арча, а сравнительно ровные пространства заняты лугами с роскошными, по пояс человеку, травами, которые, однако, ко второй половине лета

желтеют, выгорают. Наиболее характерная птица арчи — арчевый дубонос. Птица эта широко распространена по горам Средней Азии и Гималаям, но живет исключительно среди арчи, питаясь ее смолистыми семенами. Самые обычные птицы еловых и можжевельниковых лесов — королевский вьюрок, чечевица, дрозд-деряба, большая горлица. По скалам держатся горные козлы. В местах, где их мало тревожат, они ведут однообразную, правильную жизнь. Проснувшись рано утром, стадо во главе со старым самцом начинает медленно подниматься, пощипывая траву, почти по отвесным склонам ущелья. К тому времени, как солнце залет лучами хребты и поляны, козлы обыкновенно уже выбирают на гребень и начинают пастись, двигаясь все выше и выше. Часам к десяти они спускаются на водопой, снова медленно поднимаются вверх и ложатся отдыхать поодиночке под скалами. Отдохнувши, они вторично спускаются к водопою, после чего пасутся до ночи уже поблизости от него.

В Чаткальском хребте к северу от Намангана на высоте около 2000 м над уровнем моря лежит высокогорное озеро - красавец Са ры-Чилек. Наша экспедиция Главного Среднеазиатского музея в 1925 г. привезла на вьюках к Сары-Чилеку разборную лодку, и люди впервые стали в ней плавать по озеру и обследовать его. Берега его круты, скалисты и поросли елью, а местами — густыми зарослями малины, которые любят посещать медведи, о чем свидетельствовали клочки медвежьей шерсти на кустах. Ежедневно ранним утром над озером летала скопа за рыбой. Камнем падала она в воду, поднимая брызги, и тут же взлетала, держа в когтях обеих лап бьющуюся маринку. У края озера на прибрежных сучьях, спускающихся к самой воде, гнездились несколько пар бакланов. Озеро богато рыбой — маринкой, достигающей здесь полуметра. Вода в нем прозрачна, как стекло, благодаря чему спускающиеся под вид скалы видны на очень большую глубину. Издали озеро чисто-синее. Глубина его — до 244 м. Дожившие спой век ели падают в озеро, постепенно пропитываются водой и тонут, а до этого плавают. При ветре эти стволы, ударяясь друг о друга, производят звук, напоминающий лошадиный топот, и у местного населения существует поверие, что это бьют копытами какие-то водяные кони.

В 1925 г. в окрестностях озера были очень обыкновенны длиннохвостые сурки. Распластавшись брюхом на большом камне у норы, они нежились на солнце. Среди камней постоянно попадались пищухи, иначе сеноставки, имевшие под камнями склады высушенной травы.

Плавая по озеру, мы постоянно видели горных козлов, чувствовавших себя в полной безопасности на неприступных с берега скалах. Надо было добыть козла для музея. С вечера меня высадили в месте, где особенно часто наблюдались козлы. Я выбрал большой камень вблизи тропинки, выбитой козлами, и на следующее утро засел за этим камнем и стал дожидаться. Ждать пришлось долго. Я устал сидеть согнувшись, откинулся па спину и оказался неприкрытым, на полном виду. В это время посыпался щебень, и я увидел козла с огромными саблевидными рогами, который шел не торопясь, пощипывая траву. Он остановился не больше как в шагах сорока от меня, оглянулся и продолжал щипать. Первой моей мыслью было спрятаться за камень, но тут же сообразил, что своим движением могу спугнуть зверя, и остался лежать на спине. Все мое внимание сосредоточилось на одном: как бы без шума взвести курки. Мне это удалось. Козел все стоял, как бы позируя мне. Осторожно поднял я ружье, тщательно прицелился, нажал спуск, но ... выстрела не последовало. В это время, видно, пахнуло от меня. Козел вздрогнул, отскочил шагов на десять и замер. Я прицелился из другого ствола, нажал спуск, но выстрела опять не последовало. Козел, наконец, видно, меня обнаружил, повернулся, и все стадо, осыпая камни, скрылось. С досады долго трясла меня лихорадка... Объяснение отсутствия выстрелов заключалось в том, что я все время охотился с двустволкой центрального боя, но на козлов, для верности, взял шомпольный штуцер и

взвел курки лишь на один предохранительный взвод... Мою досаду поймет каждый охотник: старый козел с огромными саблевидными рогами долго стоял передо мной в нескольких десятках шагов, как бы подставляя себя под выстрел, и ушел...

Из южного конца озера Сары-Чилек вытекает проток, он быстро увеличивается от ручьев, сбегаящих с гор, и с ревом мчится дальше по узкому ущелью гремя камнями. На нем много оляпок. Из них примеряю половина белобрюхих, половина темнотрюхих.

Примерно на полутора тысячах метров абсолютной высоты узкое ущелье переходит в широкую долину Аркит. Она защищена горами с севера и северо-востока от холодных ветров, дующих с высокогорий Тянь-Шаня. Наоборот, на юг долина открыта теплым южным ветрам и главное солнцу. Благодаря такому расположению, при умеренной абсолютной высоте около 1400 м, климат Аркита весьма умеренный и зима мягкая. Благоприятными климатическими условиями объясняется богатейшая растительность Аркита и прилежащих долин из пышных ореховых лесов. Весной и в начале лета эти леса наполнены голосами птиц: свищут и щелкают соловьи, низким голосом воркуют большие лесные голуби, кукуют кукушки, мелодично свистят дрозды, звенят щеглы.

В широкой долине Аркита над большим арыком висит, словно варежка, искусно сотканное из растительного пуха гнездо ремеза на самых концах веточек над водой. К нему поминутно подлетают, тихо посвистывая, его хозяйка, чтобы накормить детей. Этой маленькой синице, как предполагал известный орнитолог Н. А. Зарудный, свойственна полиандрия, т. е. многомужество: самка спаривается с несколькими самцами. Особенно насыщены жизнью большие ореховые леса по боковым ущельям. В них много бурелома, местами вершины орехов сходятся, под ними сыро и сумрачно. Всюду следы кабанов, их копки, реже попадаются неглубокие ванны, в которых кабаны любят валяться в грязи или сырой земле. Есть косули. Живет здесь в диком состоянии туркестанская крыса, замещающая в городах и поселках Средней Азии нашу обычную амбарную крысу, иначе пасюка. Но живущая независимо от человека в ореховых лесах туркестанская крыса собирает орехи, зерна кукурузы, делая запасы в дуплах и среди камней. В Арките жило несколько пасечников. Они держали скотину, но свиней у них не было; зато были злобные собаки, натасканные на кабанов, которые в те годы, когда туземное население строго держалось корана и не только не ело свинины, но ограничивалось отпугиванием диких свиней от своих посевов кострами, всяким шумом — криками, трещотками, кабаны были многочисленны по всей Средней Азии и кормились не только по ночам, но и днем. Поэтому в случае надобности пасечники, взяв собак, отправлялись за кабанями. Один пасечник постоянно приезжал к нам на озеро и охотно менял кабанятину на рыбу.

До экспедиции на Сары-Чилек ранней весной 1921 г. я решил поехать на туземной арбе о двух огромных колесах в рост человека из Ташкента в лесничество Ак-Таш. Первые 50 км дорога шла вдоль шумящего придонными камнями Чирчика, постепенно поднимаясь. В месте, где от реки был отведен большой арык к Ташкенту и стояла водяная мельница, дорога резко повернула к северо-востоку и продолжалась выючной тропой через кукурузные посевы километров восемь до кордона, где жил объездчик. Кордон располагался на бугре, между двумя сбегаящими с хребта бурливыми ручьями. В них было много небольших маринков, которых мы приладились ловить самым простым образом: став по обоим берегам ручья, мы погружали кусок материи, который держали растянутым обеими руками в ручье; сейчас же поднимали его, и в нем обычно бились 2—3 маринки длиной сантиметров 20. Ели мы их, лишь выпотрошив, не вынимая черной брюшины: ядовитые свойства ее — ложное поверье. В непосредственной близости кордона гнездились парочки длиннохвостых рыжих с бронзовой хохлатой головой райских

мухоловок. Когда птица садилась на гнездо, она совсем закрывала его, так что казалось, что она сидит непосредственно на ветке.

В особенно теплый день я пошел пострелять птиц на перевал севернее кордона. У самого дома из боковой щели выбежала лисица-караганка, остановилась (лисицы здесь были непуганые), внимательно осмотрела меня и не торопясь протрусила дальше. Птицы попадались сравнительно редко. По камням, пронзительно кричи, карабкались скалистые поползны и, перелетев на арчу, обшаривали fee ствол. Приседали и прыгали каменные дрозды. По берегу стремительно текущего ручья бегали, потряхивая длинным хвостом, и вскакивали на мокрые камни горные трясогузки. В самую бурлящую струю ныряли оляпки. Из-за скалы над самой землей, жужжа перьями острых крыльев, словно огромный коршун, взмыл ягнятник, тень от него пробежала по земле, и огромная птица скрылась за скалой. Под вечер дошел я до перевала, имевшего примерно 1000 м высоты, и собирался уже спускаться, когда увидел, что ущелье ниже меня забито густым туманом, и тут же меня обволокла густая туча, стало холодно, завыл ветер, пошел снег, и вскоре все покрылось белой пеленою. Хотя видимость была плохая, я все же решил спускаться. Но, побродив некоторое время, пришел к тому же самому пастушьему балагану, от которого вышел. Словом, описал круг, как это бывает при снежной выюге в средней полосе России. Я решил переночевать в пастушьем балагане на перевале. Всю ночь я продрожал, так как был по-летнему в одной рубашке. Под крышей балагана, ища укрытия от выюги, всю ночь возились каменные воробьи. Утром, когда я вышел из балагана, все было бело от снега. Но взошло солнце, снег стал таять на глазах, вскоре он сошел полностью, распустились цветы, залетали бабочки. Когда я спускался с перевала, солнце сильно пекло. Такие резкие смены погоды весьма характерны для Средней Азии с ее крайне материковым климатом.

В мае 1926 г. я совершил экскурсию на западные отроги Чаткальского хребта, на Большой Чимган — местность, лежащую на высоте около 2000 м над уровнем моря. У подножья гор лежит большой кишлак Ходжент, в котором был пенёк огромной чинары, о размерах ее можно судить по тому, что на пне располагалась целая чайхана. Хотя Большой Чимган не имеет вечного снега, но с вершины его еще не сошел зимний снег. В то время как в Ташкенте наступило уже жаркое лето, здесь была весна в самом разгаре. Цвели нежно пахнущие лиловые пионы. От снега, осевшего под лучами яркого солнца и ставшего рыхлым, крупчатым, бежали звонкие ручьи, над снегом стоял пар, а по краям снега, прорезая его корку, цвели крокусы. Над ними летали крупные белые бабочки — аполлоны, поминутно опускаясь на цветы. Внизу, в глубокой щели с отвесными берегами, бурлил и пенился Чаткал, но шума не было слышно: уж очень глубока щель. Низким голосом ворковали большие лесные голуби-вяхири, заливались, сидя на верхушках высоких травинки, звонкой песней желчные овсянки. К вечеру я не успел выбраться из каменистого ущелья, по дну которого бежал бурный поток, и заночевал в нем.

Утром я проснулся при громкой песне синей птицы, сидевшей на скале над потоком. Когда тучка застилала солнце, птица казалась одноцветной, черной, когда же освещалась солнцем, становилась темно-фиолетово-синей. Великолепное пение ее раздавалось в горах, и сила пения была такова, что шум воды отходил куда-то далеко... Оляпки и синие птицы, в противоположность козлам, не приурочены строго к высокогорьям и встречаются по горным рекам и много ниже.

По каменистым россыпям, которые огромными конусами спускаются со склонов и местами заваливают все дно ущелья, как и в Восточном Тянь-Шане, живут высокогорные полевки и красные пищухи. Водятся тут и охотящиеся за ними горностаи. Тут же преимущественно держатся каменные куропатки, иначе кеклики, задорные самцы которых, вскочив на камень, громким кудахтаньем оглашают ущелье.

Кеклики связаны с камнями и водой, поэтому они встречаются высоко в горах и даже в глубине пустыни ниже уровня моря. Наконец, на луговых пространствах, обычно под большими камнями, располагаются крупные норы красных сурков.

Но подыдемся в горы еще выше, перейдем через снежный завал, из-под которого бежит мутный ручей, и начнем подниматься по склону. Арча постепенно становится все корявее, ниже, приземистей. Наконец, она уже стелется, образуя большие подушки, разбросанные далеко друг от друга по мелкощепнистому склону, поросшему редким мелким луком. Свежеет. Появляются черные с коралловыми клювами клушицы. Набежавшая туча застигает солнце и сыплет снежной крупой. Рогатые жаворонки бегают как-то боком, сдуваемые ветром. Туча проходит, опять блестит солнце, и белая крупа тает на глазах. Вы на перевале Кара-Кульджа. Ветер ревет. Тяжелые тучи висят справа и слева, прикрывая полого поднимающиеся бока седловины, из-под которых виден снег. Стоит, сопротивляясь ветру, пройти несколько сотен шагов, и ноги уже ступают по рыхлому, крупчатому снегу. Всюду, где нет его,— мелкий щебень и редкая зеленая травка. На самой седловине — небольшая лужа. Из нее выбегают в разные стороны два ручейка. Это начало двух рек: на восток течет Атуйнак, относящийся к системе Нарына - верховьев Сыр-Дарьи; на запад - Кара-Кульджа - истоки Чирчика-Чаткала. Так, родившись вместе, расходятся эти ручьи, будущие реки, с тем, чтобы опять встретиться далеко внизу, на жаркой равнине, у Чиназа, где Чирчик, дав жизнь огромному Ташкентскому оазису и истощавшись, вливается в полноводную Сыр-Дарью.

Несколько ниже перевала, где ветер затихает и мягко греет сквозь тучи солнце, нарыты небольшие норки. Это жилища сусликов. Зверьки изредка выбегают из них покормиться травкой, становятся столбиком, свистят. Что побудило их взобраться на эту суровую высоту в три с половиной тысячи метров, где почти весь год лежит пласт снега, где даже в разгар лета прохладно, дует ветер, набегают тучи, обволакивая все холодным туманом? Чем объяснить, что их ближайшие родственники, другие короткохвостые суслики, живут на равнинах Восточной Европы, Казахстана и Монголии, а колонии этого, так называемого реликтового суслика, разбросаны далеко друг от друга по высокогорью Тянь-Шаня? Вот вопросы, на которые должна ответить зоогеография. Вопросы трудные, во многом еще не разрешенные. По-видимому, суслик попал сюда «не добровольно», а был приподнят вверх вместе со степью горообразовательными процессами, и произошло это, конечно, очень давно, так как реликтовый суслик успел обособиться в самостоятельный вид.

Экологические связи животных в высокогорье иногда приобретают весьма своеобразный характер. Некоторые из них начали выявляться только в самое последнее время, о чем недавно сообщил в своей статье Б. К. Штегман: «...Птицы в горах выше альпийских лугов встречаются чаще, чем млекопитающие. Однако большей частью они лишь отдыхают и гнездятся на таких высотах, а кормятся в других, более низких зонах. Это относится, например, к снежному грифу, бородачу, альпийской галке и горному вьюрку. В противоположность этим видам, альпийская завирушка и гнездится, и кормится на высоте 3500—3700 м, не спускаясь летом ниже этих границ. Гнездо стенолаза с птенцами было найдено на высоте 3800 м. И этот вид кормится в районе гнездовья, почти не спускаясь ниже.

Стенолаз и альпийская завирушка питаются мелкими беспозвоночными. У нескольких добытых завирушек желудки были набиты одними пауками. При этом птенцы, которых еще кормили родители, были чрезвычайно упитанны; очевидно, они получали этот корм в изобилии. Действительно, поднимая камни на моренах и осыпях у самой границы ледников, можно было обнаружить сравнительно много черных пауков. Движения их были медлительны, как будто они были готовы вот-вот застыть. Между тем они оставались активными и нисколько не избегали ходить по снегу и

льду, что производило очень своеобразное впечатление. Видимо, медленные движения им свойственны.

Таким образом, определить кормовую базу завирушки и стенолаза оказалось легко, но одновременно возник вопрос, чем же питаются пауки? Поиски мелких примитивных насекомых, которые могли бы служить им пищей, не увенчались успехом. Ответ на этот вопрос удалось найти лишь после длительных наблюдений. В солнечные дни регулярно с равнин дует бриз, который с закатом солнца сменяется воздушным течением, дующим в противоположном направлении. Дневной бриз в горах воспринимается как восходящий ток, заметный даже на самых больших высотах. Этим током заносятся в зону ледников многочисленные летающие насекомые, главным образом мелкие, относящиеся к «воздушному планктону». Однако и более крупные и быстро летающие насекомые заносятся таким же образом на большие высоты, например, слепни и некоторые бабочки. Попав в зону камня и льда, эти насекомые живут в течение дня и погибают с наступлением ночи, когда температура падает ниже нуля.

Большое число насекомых ежедневно попадает из нижних зон в субнивальную¹, представляя вполне заметный приток биомассы в эту бесплодную местность. Естественно, должно было возникнуть предположение, что пауки используют этих насекомых, так как других пищевых ресурсов у них: нет. Но пауки, живущие в снежной зоне, не плетут паутин, и движения их медлительны, так что, вероятнее всего, они питаются трупами насекомых, погибших от ночных холодов и лишь медленно высыхающих при низких температурах и большой влажности воздуха этой местности.

Действительно, наши наблюдения показали, что в начале дня и, в особенности на рассвете на поверхности снега лежат погибшие насекомые. Позднее трупы насекомых начинают исчезать, и во второй половине дня не остается даже их следов. С утра пауки наиболее активны: они неторопливо переходят с камня на камень, выходят на лед и делают значительные переходы по снегу. После полудня они сидят под камнями, видимо, потому, что в это время урожай «воздушного планктона» уже полностью собран.

¹Субнивальная зона — пояс, лежащий ниже вечных снегов.

Таким образом, пауки живущие в субнивальной зоне Тянь-Шаня, всецело зависят от ежедневного притока насекомых, приносимых восходящими течениями воздуха из более низших зон. Птицы, питающиеся пауками, следовательно, тоже находятся в зависимости от вышеописанного явления. Биологическая продуктивность самой субнивальной зоны столь ничтожна, что жизнь, развивающаяся в ней, может существовать лишь при условии притока питания извне, интересным образом повторяя картину, характерную для абиссальных¹ глубин океана».

¹ Абиссальная область - область наибольших океанических глубин (от 1000 м и глубже).

Однако далеко не везде высоко в горах так пустынно. Там, где снег сдувается ветром и талые воды пропитывают почву, приземистая, но густая и разнообразная растительность расцвеченная голубыми незабудками, красными маками, лиловыми фиалками, желтыми барашками, покрывает землю сочным зеленым ковром. Это — альпийские луга, прославленные пастбища, куда к концу лета перегоняют овец по мере того, как снег наверху сходит, а ниже растительность выгорает. Здесь же, в менее доступных местах, держатся огромные среднеазиатские горные бараны-архары, родственные алтайскому и

центральноазиатскому аргали. За ними, как и за мелким домашним скотом, охотится **снежный барс**, круглые следы которого на снегу часто можно увидеть возле кочевья. Однако главную пищу снежного барса составляют горные козлы, отчасти улары.

Интересные наблюдения над этим зверем сообщает В. Ионов: «Мне однажды представился случай наблюдать игру **барсов**. Рано утром я вышел на охоту за тау-теке (горными козлами). Шагах в пятистах от избы я увидел барса, бегущего по берегу горной речки. Вдруг он прилег на тропе, как бы готовясь к нападению, в тот же момент к нему выскочил другой барс. Они встали на задние лапы, награждая друг друга ударами передних лап; затем один из них бросился бежать. Громадным прыжком настиг его другой. Свернувшись клубком, они долго возились в траве. После этого они быстро вскочили на ноги, сильно перегнувшись в дугу, и, постояв некоторое время друг перед другом, разошлись в стороны.

Прыжки барс делает невероятные. Если бы я сам не видел их, то никогда не поверил бы рассказам других. Мы наблюдали прыжок барса не менее 15 м через ров в горы. Благодаря таким прыжкам барс, наткнувшись на добычу, легко ее настигает.

Зимой, говорил мне один старый охотник, мы работали в лесу. Ночью выпал небольшой снег, а утром мы шли по ущелью, не захватив с собой ружья. Когда мы проходили между скал, до нас донесся тревожный крик тау-теке, и тотчас же небольшое стадо стремглав бросилось вниз по утесам, а еще через мгновение огромный ирбис (барс) показался на вершине скалы, откуда он сделал прыжок и готов был уже схватить одного козла, когда мой спутник крикнул. Ирбис остановился тогда, посмотрел на нас и ушел».

Заходит на альпийские луга и медведь пожировать на горной гречихе и половить многочисленных здесь сурков.

И все же есть в горах Средней Азии обширная область, расположенная еще выше,— это Памир. Его долины и озера приподняты на 4000 м над уровнем моря. Здесь, как и на «сыртах» Тянь-Шаня к югу от Иссык-Куля, выпадает мало осадков, меньше, чем в жаркой низменной пустыне. Широкие плоские долины, разделенные хребтами с зубчатыми гребнями, выступающими из белых снегов; петляющие медленно текущие реки; темно-синие озера в отлогих берегах; щебень; чахлые кустики корявой травы - терескена; тропы архаров и везде валяющиеся их черепа — вот общий облик Восточного Памира, высокогорной холодной пустыни. На солнце тепло, даже жарко; в тени холодно, круглый год ослепительный свет солнца с безоблачного неба, вечные ветры и снежные метели в середине лета — вот характерные свойства ее. Красные сурки, архары, рогатые жаворонки, бородачи, а из насекомых шмели - наиболее характерные ландшафтные животные этой части Памира. Стадами, голов в 20—25, пасутся самки архаров с ягнятами и молодыми самцами по лужайкам, разбросанным по склонам. Отдельно от них, группами в 5—8 голов, держатся вне времени спаривания старые самцы, достигшие 150—160 кг веса. Их уже издали легко узнать по гордой осанке и огромным закрученным рогам. Спугнутые, они сбиваются в кучи и уходят, вытянувшись цепочкой. На богатых рыбой озерах, имеющих обычно пологие глинистые или песчаные берега, иногда поросшие высокой ярко-зеленой осокой, держатся утки-атайки, желтоногие и желтоклювые горные гуси, бакланы, крохали, чайки, орланы-белохвосты. Особенно много водоплавающей птицы скопляется на больших памирских озерах во время пролета осенью. Но вообще животный мир Памира беден. Из зверей многочисленны лишь архары, красные сурки да один вид полевки. Обыкновенен и заяц-песчаник (длинношерстная форма), и лисица; нередок также волк, представленный крупным тибетским подвидом. Из птиц особого внимания заслуживают крупная тибетская саджа, единственный близкий родственник которой — обыкновенная саджа широко распространена по пустынным степям от Нижней Волги до Монголии; тибетский улар,

водящийся здесь наряду с темнобрюхим, который живет по всем высоким горам Средней Азии, исключая Копет-Даг. Пресмыкающихся совсем нет, но земноводные представлены зеленой жабой.

«Но еще не кончен Тянь-Шань,— писал Н. А. Северцов,— ... далеко на горизонте, за Сыр-Дарьей, южнее Ходжента, чуть виден еще ряд снежных вершин» — это Туркестанский хребет. Южнее, параллельно ему, тянутся еще два хребта: Зеравшанский и Гиссарский.

Огромный Гиссарский хребет имеет среднюю высоту, равную высочайшей вершине Альп — Монблану. Южные склоны его представляют сложную систему гор и ущелий, понижающихся к Аму-Дарье, точнее к Пянджу.

Особое место в животном населении Гиссарских гор занимает выдра.

На территории Узбекистана Г. И. Ишушин изучал выдру в бассейне реки Тупаланга в Сурхан-Дарье. Он пишет: «Выдра в Средней Азии считается редким зверем. Речка Тупаланг и ее притоки, как, например, Чош, очень бурны. В суженных местах ущелья поток образует стремнины и водовороты. Но выдра приспособилась к жизни в бурном потоке. Для отдыха она забирается на обломки скал или каменные пласты, выступающие с обочин ущелья. Они обязательно должны одним боком находиться в воде, а другим соприкасаться с сушей. За камнями, лежащими в бурном потоке у берега, обычно образуется заводь. В этих заводях держится рыба. Там выдра находит себе добычу и укрытие в случае опасности.

В небольших горных потоках, условия обитания зверя несколько иные. Так, в ущелье Тагап-Сай на каменистом ложу течет небольшой ручей, в котором трудно укрываться крупному животному. Но ручей бежит по дну глухого ущелья с обрывистыми склонами, заваленными обломками скал, благодаря чему на его ложе образуются многочисленные водоемы. Ручей густо зарос тростником и рогозом. В этих водоемах и держится выдра, укрываясь под камнями и в зарослях болотной растительности. В ручье много рыбы. Для отдыха и высматривания добычи хищник и здесь забирается на камни, нависающие над водой.

Осенью, после обмеления небольших потоков, выдра их покидает. В Тупаланге она избрала новые камни, лежащие у воды, так как река обмелела. Теперь ее следы попадались и на обнажившемся песке и галечнике, но далеко от речного потока зверь не отходит.

В летнее время пища выдры в бассейне Тупаланга состоит исключительно из рыбы, лишь в редких случаях добавляются насекомые и грызуны. В осеннее время, кроме рыбы, выдра питается и за счет уток, большими стаями слетающими в долину Тупаланга на зимовку. Убежище выдры всегда находится у воды. Она выбирает такие пещеры, навесы и щели, в которых имеется удобный выход к воде, а со стороны суши к ним подступиться трудно. Выдра располагается в укрытиях прямо на камнях, не делая подстилки, за исключением гнезда, где стелит листья и мох. Там летом у нее рождается от 2 до 5 слепых детенышей, которых она кормит сначала молоком, потом, месяца через два, выводок охотится вместе с матерью за рыбой.

В ущелье Тупаланга рядом с выдрой в большом числе живет лисица. Однако каких-либо признаков вражды между ними или конкуренции из-за пищи и укрытий не обнаружено. Нет у выдры здесь и других врагов или конкурентов».

Только в начале этого столетия горы Гиссарского хребта обследованы зоологически. В них обнаружен ряд индогималайских видов. В живописных ущельях, выходящих к бурливому Пянджу, на горных ручьях встречаются небольшие гималайские пегие дрозды; они несколько напоминают окраской белых трясогузок, но хвосты у них очень короткие, а большие лапы — лимонно-желтые. В рощах инжира (винная ягода) в густой тени вырезных, широких, как ладонь, листьев держатся полосатые тимелии, отличающиеся от своих

ближайших тропических родственников скромной сероватой окраской. Там, где скалы свободны от буйных зарослей фисташки, горной вишни, миндаля, греются на солнце, сидя по-собачьи с высоко приподнятым на передних ногах туловищем, шершавые горные агамы — стеллионы. Более крупные и особенно многочисленные туркестанские стеллионы — зеленовато-серые, а сравнительно редкие гималайские окрашены пестро: голова желтая с красными пятнами по бокам, туловище голубовато-синее. Сидя неподвижно, но, насторожившись, они двигают лишь головой, провожая человека глазами, и при малейшей опасности скрываются в трещины скал. На высоких утесах, тесно обступивших ущелье, едва уловимые снизу невооруженным глазом маячат винторогие козлы. Роскошью юга, буйством жизни веет от этой разнородной зелени, от этих до боли в глазах блестящих скал, от синего неба. А ниже, по пустынным холмам и горкам, то серым, то желтым, то красным, в зависимости от породы, бегают по раскаленной почве многочисленные изящные пустынные куропаточки и розово-песчаные вьюрковые жаворонки. Тропики, Африку и Индию узнает здесь на каждом шагу зоогеограф: Индию — в лице пегих дроздов, тимелий, винторогих козлов, гималайских стеллионов; Африку — в лице пустынных куропаточек и вьюрковых жаворонков.

Теперь, когда у читателя могло составиться известное общее представление об основных горных ландшафтах Средней Азии и их последовательной смене, остановимся несколько на особенностях жизни в горах вообще.

Горы имеют ряд особенностей. Прежде всего, это вертикальная поясность, или, как мы предпочитаем выражаться, ступенчатость. Горы, во-первых, нарушают горизонтальную поясность, именно по направлению от полюсов к экватору горные ступени со своею фауной вдаются в смежный пояс. Так тундра по высокогорьям вдается в тайгу, тайга заходит в широколиственный лес, последний - в степь и т. д. Во-вторых, что связано со ступенчатостью, в горах на небольшом участке имеются различные пояса, которые сближены друг с другом, так что, поднявшись всего на несколько сот метров, из степи можно попасть в широколиственный лес, а из него, поднявшись всего на несколько десятков метров, очутиться в тундровой среде. По мере подъема в горы воздух становится все более редким. В связи с этим, а также с тем, что в горах млекопитающим приходится прилагать много сил, передвигаясь по пересеченной местности, сердце и легкие у горных зверей развиты особенно сильно. Далее, для гор крайне характерно присутствие скал и крутых обрывов. В связи с этим ряд лесных, точнее древесных и горных, вернее скальных, животных, в частности птиц, превосходно лазают как по древесным стволам и веткам, так и по скалам и камням. Скалистый поползень, например, с камней постоянно летает на деревья и одинаково ловко лазает по тем и другим. Большая синица — типичный дуплогнездник. Но местами в горах Средней Азии, как сообщил мне Е. П. Спангенберг, она устраивает свое гнездо в трещине скалы. Стрижи в равнинах гнездятся обычно в дуплах, в горах — в скалах.

Солнечный свет в высокогорье (инсоляция) имеет ряд особенностей, но влияние горного освещения, видимо, если и имеет значение для животных, то ничтожно малое. Впрочем, вопрос этот мало изучен. Горы, как и лес, могут играть роль убежища, где животные находят спасение от врагов. Так, бурый медведь в СССР водится только в лесах и горах. В Северной Америке гризли, представляющий собой лишь подвид бурого медведя, до прихода европейцев жил в прерии, откуда позднее был вытеснен. Живущие в горах архары — по существу не горные звери, а степные. В Тянь-Шане и на Памире они придерживаются нагорных степей — сыртов, сохранились они и внизу в горах Центральных Кызыл-Кумов. Они, по всей вероятности, были вытеснены из равнин Средней Азии в горы человеком.

О жизни барана Северцова в горах-останцах Кызыл-Кумов дает представление Г. И. Ишунин, участвовавший в экспедиции 1959 г. «Горы-останцы в центральной части

Кызыл-Кумов всего в 200 м высоты представляют собой каменные хребты с системой отрогов, разделенных небольшими долинами и ущельями. Самые высокие дочки в этих горах достигают 600—800 м.

Условия существования барана в Центральных Кызыл-Кумах не легки. Сухость почвы и воздуха, а главное отсутствие питьевой воды в жаркое время года,— вот к чему приходится приспособляться животному. Но на крутых горных склонах или обрывах растительность в виде разреженных кустиков и травы использует каждую щель, карниз или площадку, бурно развиваясь весной. Только в ущелье Ак-Тау бывают более плотные заросли. Вода в горах-останцах бывает в изобилии только зимой и ранней весной за счет атмосферных осадков. Питается баран, очевидно, главным образом полынью, как и домашние овцы, а также ковылем и другими травами. Держится баран в средней и верхней частях основного хребта Ак-Тау, спускаясь в нижнюю, когда она становится безлюдной. Летом лежки всегда находятся на открытых местах. С такой лежки зверь хорошо видит все вокруг, оставаясь, сам незамеченным благодаря своей серой окраске, сливающейся с камнями. Зимой лежки его находятся под скалами, на солнечном припеке или в гротах в других укрытиях. Держится, по-видимому, зимой группами. Удалось видеть и некоторое количество баранов. Следы же их обнаружены по всей средней и верхней частям основного хребта Ак-Тау.

Горная куропатка, иначе кеклик, распространена от подножья до высокогорий, но живет местами даже ниже уровня моря, лишь были бы камни и поблизости вода. Это скальная птица, но отнюдь не горная. Каких же животных мы можем отнести к горным? Тех, у которых имеются приспособления к жизни в горах. Из млекопитающих горные звери — это серна, кабарга, горал. У них у всех задние ноги особенно сильно развиты, так что крестец лежит выше лопаток, что есть приспособление к бегу в гору. К горным животным следует отнести козлов, так как хотя крестец у них располагается не выше лопаток, но они, так сказать, льнут к горам. Домашние козлы, например, любят лазать по кучам камней, карабкаться по карнизам. И дикие козлы живут только в горах. Городская ласточка — несомненно, горная птица: в естественных условиях она строит свои лепные гнезда на скалистых обрывах поблизости от воды. Правда, гнездится она и внизу, в жаркой пустыне, но только на стенах колодцев, где прохладно.

У некоторых ящериц приспособление к прохладному горному климату выражается в живорождении. Так, алайский гологлаз и глазчатая ящурка, водящиеся в горах Тянь-Шаня, ролят живых детенышей, тогда как все прочие гологлазы и ящурки, обитающие в низменности, откладывают яйца.

Характерная черта гор - резкая смена ландшафтов на небольшом пространстве в вертикальном направлении. Зависит это от того, что с высотой температура понижается в среднем на полградуса на каждые 100 м подъема, влажность же увеличивается. Однако последнее явление имеет определенный вертикальный предел, после которого насыщенность воздуха водяными парами и количество осадков опять сокращаются. Так, в горах Средней Азии больше всего выпадает осадков на высоте между 1500 и 3000 м над уровнем моря. Сходство между распределением климатов в горизонтальном направлении, т. е. в направлении от экватора к полюсам, и распределением их по вертикали, т. е. от подножий гор к вершинам, обуславливает сходство в расположении горизонтальных и вертикальных растительных поясов — пустыня, степь, лиственный лес, хвойный лес, тундра или тундроподобное высокогорье. Кроме того, как известно, в горах имеется только им свойственное явление: чем выше, тем воздух разреженнее и тем сильнее инсоляция. Однако это свойство гор, по-видимому, имеет для большинства животных уже второстепенное значение.

Естественно, что в общем сходные экологические условия в горных и в соответствующих им широтных поясах обуславливают ряд общих явлений и в их

животном населении. В частности, как по направлению к полюсам уменьшается число видов, так уменьшается число видов и по направлению к высокогорьям. Длинный и густой покров свойствен и северным, и высокогорным млекопитающим и птицам, ускоренная линька наблюдается и у северных, и у высокогорных птиц.

Заслуживает внимания еще одно явление: пресмыкающиеся, идущие дальше всех других на север,— живородящая ящерица и гадюка — рождают живых детенышей. Все прочие ящерицы Средней Азии, живущие в низменности, в частности низменные ящурки и гологлазы, откладывают яйца.

Живорождение у высокогорных пресмыкающихся — явление вообще широко распространенное и представляет приспособление к суровому климату: избегая тени и перебегая постоянно на освещенные солнцем места, ящерица греет вместе со своим телом и заключенных в себе зародышей. Наконец, подобно тому, как многие млекопитающие и птицы высоких северных широт на зиму перекочевывают к югу, многие горные звери и птицы на это время года спускаются в менее суровые, лежащие ниже, ступени гор.

Имеется еще одно свойство, характерное именно для гор,— это крутизна склонов, присутствие высоких скал и обрывов на всех высотных ступенях. Обитатели их — козлы, стрижи, сизые голуби, стенолазки, отчасти **барс** и скалистые поползни.

В горах, в частности среднеазиатских, наблюдаются еще следующие зоогеографические явления, которые, конечно, связаны с экологией. Во-первых, ряд форм, широко распространенных в более северных областях и живущих там, в низменности, к югу постепенно поднимаются в горы. К ним относятся, например, горностай, медведь, рысь, сурки, водящиеся в горах, но отсутствующие в низменной Средней Азии. Во-вторых, в связи с пересеченностью рельефа, распространение горных животных прерывчато, особенно высокогорных. Объяснить существование раздробленных ареалов можно во многих случаях, если не в большинстве, только исторически, только тем, что когда-то они были сплошными. Вместе с тем раздробленностью ареалов объясняется, что в горных областях виды образуют особенно многочисленные подвиды. Хорошим примером сказанного может служить архар, представленный в горах Средней Азии рядом форм: нуратинской, каратаусской, таласской, центрально-тянь-шаньской, памирской. Такие замещающие формы могут быть не подвидами, а видами, например алтайский, темнобрюхий, тибетский, переднеазиатский («каспийский»), кавказский улары.

Если с экологической точки зрения горы Средней Азии, как и любые высокие горы, могут быть разделены на ряд вертикальных поясов, или ступеней, то в зоогеографическом отношении они разделяются на участки. Во всей тянь-шаньской системе, т. е. в собственно Тянь-Шане совместно с Памиро-Алаем, обычно различают четыре участка: восточно-тянь-шаньский, западно-тянь-шаньский, бухарский и памирский.

На основании сказанного читатель мог составить себе общее представление о природе и животном населении этих участков. Но впечатление это легко может оказаться и не совсем правильным, так как мы старались подчеркнуть главным образом их различия. Если же внимательно сравнить фауны Восточного Тянь-Шаня, Западного Тянь-Шаня, Гиссара и Памира, то оказывается, что они в основном сходны и близки к горной фауне Внутренней Азии.

Совсем другая фауна, определенно тяготеющая к Закавказью, населяет невысокий пустынный Копет-Даг, нигде не поднимающийся до границы вечных снегов, хотя зимний снег в верхнем поясе гор лежит здесь долго и в первой половине лета то сходит, то вновь выпадает. Древесная растительность встречается в Копет-Даге почти исключительно по узким глубоким ущельям, где имеется вода. Зато здесь деревья и кустарники поражают своей буйной силой. По дну такого ущелья обычно бежит

светлый шумный ручей, то ныряющий в перевитую ежевикой и диким виноградом буйную чашу из барбариса, боярки, яблони, железного дерева, то струящийся среди голых камней и скал, с которых свешиваются пышные кусты инжира, как-то держащиеся на крутых откосах. У края ручья, между сырыми прибрежными камнями, боком бегают пресноводные крабы, такие же, как на Араксе, а на скалах греются под лучами жаркого солнца закавказские стеллионы. Там, где берега широко раздаются в стороны, где теснина расширяется на несколько сотен метров, растут клены, развесистые грецкие орехи, могучие чинары и карагачи, по которым взбираются толстые канаты винограда, свешивающегося фестонами с высоких деревьев. Свистит в густой листве иволга, но не индийская, а европейская, стонет европейский лесной голубь - вяхирь, распевает свою короткую трель обыкновенный зяблик.

Но таких шумных богатых жизнью мест, напоминающих роскошные леса Эльбруса и Тальша, очень немного в почти лишенных воды горах Копет-Дага. Это лишь редкие оазисы в пустынном Копет-Даге. Обычно его многочисленные ущелья безводны, завалены щебнем и каменными плитами, иногда опутаны колючими плетями ежевики, иногда между каменными глыбами растет редкий сухой кустарник. Но часто они лишены растительности, и по бокам ущелья поднимаются уступами голые дикие скалы, желтые зубчатые вершины которых резко выделяются на синем, безоблачном небе. Лишь звонкое кудахтанье кекликов, гулко отражающееся от крутых стен, нарушает томящую тишину этих каменных теснин, застывших от зноя. Птиц здесь очень мало, разве что пестрый, черный с белым, чекан вскочит на камень или скалистый поползень лазает по отвесу. Зато не так уже редко случается заметить издали козла, осторожно идущего по узкому карнизу высокой скалы. Но это уже не «сибирский» каменный козел, что водится в горах Памира, Тянь-Шаня, Алтая, Саян, а безоаровый, свойственный Передней Азии и Кавказу.

Пологие склоны гор, перемежающиеся утесами и каменистыми россыпями, и небольшие площадки среди голых скал покрыты в горах Копет-Дага разреженной растительностью сухой степи с ковылем. Эта растительность, начинающаяся со среднего пояса и доходящая до самой вершины хребта, переваливает через него на южный менее скалистый и более пологий склон, где местность порой производит впечатление настоящей низкотравной степи. Кроме того, всюду встречаются крайне своеобразные горно-пустынные растения, образующие широкие, в метр - полтора поперечником, плотные одеревенелые подушки из тесно сомкнутых соцветий, напоминающие своим видом разбросанные в беспорядке валуны. Альпийские же луга с их сочной зеленью на Копет-Даге полностью отсутствуют - их образованию препятствует чрезмерная сухость здешнего климата.

Тем не менее Копет-Даг обладает настоящей горной фауной, хотя и сильно отличной от прочих частей Средней Азии. Здесь нет ни снежного барса, ни сибирского горного козла, ни архаров, ни сурков, ни огромного снежного сипа-кумая, ни синей птицы, словом, ряда животных, широко распространенных по горам Памира, Гиссара, Тянь-Шаня. Однако клушицы, крикливыми стаями летают среди скал верхнего пояса гор; бородач, словно огромный коршун, взмывает из-за утеса и облетает ущелье, точно следуя всем его изгибам, а в густой арче, не образующей в Копет-Даге сплошных насаждений, но зато достигающей здесь величины настоящего дерева до 15 м высоты, прыгают арчевые дубоносы. Есть здесь и пищуха, но особый вид — рыжеватая пищуха. Есть и улар, но не темнобрюхий, свойственный прочим горам Средней Азии, а «каспийский», живущий по высокогорьям Малой Азии и Закавказья. Есть и баран, относящийся к группе мелких переднеазиатских муфлонов, а недавно найдена снежная полевка, широко распространенная по высокогорьям Европы, Малой Азии и Кавказа. Наконец, в Копет-Даге водится леопард.

Таким образом, хотя Копет-Даг имеет некоторое количество характерных среднеазиатских видов и ряд форм, общих с южными склонами Гиссарского хребта, однако, в общем, по своему животному населению он явно тяготеет к Закавказью.

Несколько слов о низкогорьях Копет-Дага. Они заняты лёссовой пустыней, поросшей редкой польной и пересеченной безводными долинами и мрачными каменистыми ущельями. Эти ущелья — любимое место гиен, где они скрываются на день, тогда как по волнистым сглаженным предгорьям встречается гепард, охотящийся здесь за джейранами. Здесь же найден индийский медоед — странное животное, размерами и внешностью напоминающее барсука, но лишенное признаков ушей и вооруженное огромными роющими когтями.